



ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 930.23

ЛАТЫШКИ ВАСИЛИЯ РЖЕВСКОГО. ОПЫТ КОММЕНТИРОВАНИЯ ОДНОГО ЗАВЕЩАНИЯ

М. В. Моисеев

Моисеев Максим Владимирович, кандидат исторических наук, заведующий сектором, Государственное бюджетное учреждение культуры г. Москвы «Музейное объединение «музей Москвы» – отдел «Музей археологии Москвы», научный сотрудник Центра научного проектирования, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, maksi-moiseev@yandex.ru

Статья посвящена изучению сведений завещаний об истории плена и работорговли в Московском государстве времен Ливонской войны и эвристическому значению этой группы источников. Анализируется стратегия упоминания в завещании В. М. Ржевского своих служб. Выявлена фальсификация, которая позволяет говорить о «местнической ментальности».

Ключевые слова: плен, Ливонская война, латыш, завещание.

Latvians Women of Vasilij Rzhevskij. Experience of Commentary on one Testament

M. V. Moiseev

Maksim V. Moiseev, <https://orcid.org/0000-0003-0421-8982>, Museum of Moscow, 2, Zubovsky Bul., Moscow, 119021, Russia, Research Fellow, Russian State University for the Humanities (Moscow), 6, Miusskaya Square, Moscow. 125993, Russia, maksi-moiseev@yandex.ru

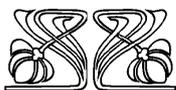
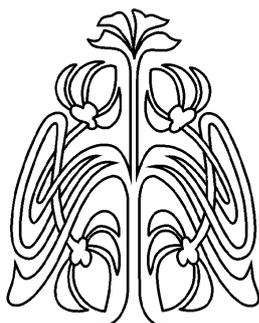
The article is devoted to the study of testaments to the history of captivity and slave trade in the Moscow state during the Livonian war and heuristic value of this group of sources. The strategy of mentioning the services in V. M. Rzhevsky's testament is analyzed. Falsification that allows to reckon upon "local mentality" is revealed.

Key words: captivity, Livonian war, Latvian, testament.

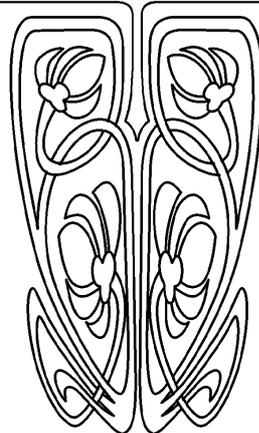
DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-4-414-418>

История изучения Ливонской войны имеет давние традиции. Относительно недавно А. И. Филюшкин обосновал понимание этой войны, как серии балтийских войн 2-й половины XVI в.¹ Непосредственно под Ливонской войной автор понимает конфликт 1558–1561 гг.² Эту же точку зрения поддержал и В. В. Пенской³. Белорусский исследователь А. Н. Янушкевич считает, что хронологически Ливонскую войну необходимо поместить в промежуток 1558–1570 гг.⁴ Одним из последствий балтийских войн времени правления Ивана IV, вошедшее в историографию как «Ливонская война», стало значительное движение населения территорий, втянутых в этот конфликт. Одни перемещались как свободные землевладельцы, получая поместья на приобретенных территориях, другие поступали на службу к победителям, многие оказывались в плену. Эти миграционные сдвиги лишь недавно стали привлекать внимание исследователей. Судьбы пленников ливонцев, оказавшихся вдали от родины, впервые привлекли внимание И. П. Ермолаева, который отметил наличие «латышей» в числе нерусского населения в Казанском уезде⁵.

А. Л. Хорошкевич посвятила им специальную статью, в которой она дала общую характеристику этому явлению, очертила круг источников и наметила основные пути исследования⁶. Впрочем, в оптику историка попали, с одной стороны, все группы иноземцев (не только «латыши», «немчины» и «литвины»), но и «грузинцы», «ногаи» и т.п.), а с другой, исследование было ограничено рамками Казанского уезда.



**НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ**





Как один из важнейших источников для исследования истории плена в Московском государстве А. Л. Хорошкевич определяла писцовые книги.

Т. А. Опарина в двух обстоятельных работах проанализировала пути попадания ливонцев в плен, указала факты работорговли⁷, а также проследила дальнейшие судьбы некоторых из пленников⁸.

К проблематике «немцев» Поволжья XVI в. обратился и финнский исследователь Юкка Корпелла, так же, как и А. Л. Хорошкевич построивший свое исследование на писцовых материалах, но сосредоточив свое внимание в первую очередь на проблематике сохранения своей конфессиональной идентичности и конверсии в православие⁹.

Практике выкрадывания полоняников, которых покупали татары Крымского ханства и Ногайской Орды, дабы они не оказались в «мусульманской неволе», посвятил внимание и автор этих строк¹⁰.

В целом на данном этапе изучения истории плена и работорговли в Московском государстве XVI в. общепринятым тезисом стало понимание заметного воздействия «ливонского» полона на этническую карту уездов царства. Однако география размещения полоняников не ограничивается только Казанским или Новгородскими уездами. Так, например, Приправочный список с дозорной книги города Темникова и Темниковского уезда 1613/14 г. фиксирует людей с этническими прозвищами: «немчин» – 8 человек, «латыш» – 2 и «литвин» – 1¹¹. В Дозорной книге Темниковского уезда 1613/14 г. фиксируются 6 «немцев» и 2 «латыша»¹². Фиксируют «латышей» и «немцев» и другие документы¹³. Также сейчас очевидно, что к корпусу источников, задействованных при исследованиях «ливонского полона», необходимо привлекать материалы посольских книг, особенно ногайских, в которых сохранился довольно любопытный массив данных.

Суммируя наши наблюдения за текстами этих документов, можно отметить следующее. Ногайские посольские книги фиксируют факты торговли ливонским полонем. Осуществлялась эта торговля в рамках прямого запроса царю, с указанием численности покупаемых людей. Отталкиваясь от сообщений посланий, мы можем полагать, что продажа людей разрешалась одновременно с разрешением вообще торгова с ногаями. Торговля была регламентирована, легально приобрести «немецкий полон» можно было только в Москве. Пристав, сопровождавший ногайских послов, должен был следить за тем, чтобы под видом «немцев» не были проданы русские. В Казани осуществлялась сверка купленных рабов со списками. Посольские книги отмечают жесткую позицию Московского государства по вопросам возвращения беглых пленников ногаям. Однозначно запрещалось отдавать православных беглецов, на католиков и протестантов эта норма

не распространялась, но анализ конкретных данных позволяет считать, что на практике беглые независимо от их вероисповедания татарам не возвращались. В посольских книгах время от времени приводятся и количественные данные, которые позволяют заметить, что непосредственно продавалось в Ногайскую Орду небольшое число пленников, а вот захватывалось ногаями и потом угонялось в степь значительное число ливонцев. Так, в 1579 г. были проданы ногайскому бию и мирзам 54 человека¹⁴, а после участия в походе в апреле 1580 г. степняками были угнаны 1028 человек¹⁵.

Еще одним источником, содержащим интересные подробности по истории плена, но пока редко привлекающимся, являются завещания (духовные грамоты) служилых людей Московского царства. Именно анализу одного из завещаний и посвящена предлагаемая работа.

В журнале «Исторический архив» в №1 за 2016 г. Н. А. Комычевым был опубликован ряд завещаний вкладчиков Иосифо-Волоколамского монастыря¹⁶. Одно из них, а именно духовная Василия Михайловича Ржевского от 1596/97 г., привлекло наше внимание сведениями о латышках. Приведем этот отрывок полностью:

«Да што у меня была девка Фенка латышка немецког(о) полану, как ходил князь(ь) Офонасеи Шейдяков, воевал с Микитою Романовичем в Большом полку, а я, Василей, тогда был в передовом полку со князем Семеном Ордасавичам да со князем Михаилом Юрьевичам Лыкова, и яз тое девку Фенку дал сыну своему своему Василию, а Василей сын тое девку Фенку дал за Федку за Шеблякина, и мне да них дела нет, то ведает Василей с ними. Посылал де меня Василя, государь на Романов к мурзам и татарам лета 7091-(го) и 92-(го) году, и яз тогда купил на Романове девку Пярку латышку у романовского татарина выборского полону и купчая есть на ту девку, и в таможенные книги на Романове записана. И тое девку Пярку дал сыну своему Василию, а мне да нее дела нет»¹⁷.

Приведенные сведения позволяют нам уточнить несколько вопросов, связанных с проблематикой «немецкого полона». Во-первых, очевидно, что две упоминаемых «девки» принадлежали к дворне. Во-вторых, мы можем уточнить время их пленения и даже очертить район их прежнего проживания, благодаря скупым подробностям, приведенным в завещании. И наконец, в этом документе зафиксирована процедура купли.

Автор завещания – сын боярский 2-й статьи – в 1566 г. участвовал в Земском соборе, посвященном вопросу продолжения «Ливонской войны». Данные, приведенные в завещании, позволяют полагать, что поход, в котором была пленена Фенка, состоялся зимой 1575/1576 г. Именно тогда в Большом полку был князь Афанасий Шейдяков, а в Передовом – князь Семен Ардасович Черкасский и князь Михаил Юрье-



вич Лыков¹⁸. Однако разрядная книга указывает службу Василия Михайловича совсем не в «немецком походе», а в царском калужском походе против Девлет-Гирея этого же года и не в Передовом полку, а при наряде¹⁹.

Не вполне понятно, кто такой «Микита Романович», упоминаемый в завещании. В калужском походе в Государевом полку упоминается князь Никита Романович Трубецкой, но Василий Михайлович крайне внимателен к титулам: из четырех воевод трое строго потитулованы, поэтому вряд ли искомый «Микита Романович» – это князь Трубецкой. В документах этого похода упоминается местническое дело между боярином И. В. Шереметевым и боярином Н. Р. Юрьевым. Однако Н. Р. Юрьев был не в Большом, а в Полку правой руки. В итоге его вернули в Москву «для осадного времени»²⁰.

Итак, с одной стороны, за одним исключением, завещатель верно называет воевод похода «под немецкие городы», с другой стороны, данных о его службе в этой компании нет, он был вовсе не в Прибалтике, а в береговом разряде, так же как и упоминавшийся им Н. Р. Юрьев. Сложно сказать, с чем связана эта путаница: с забывчивостью или с намеренным искажением, вызванным «местническим менталитетом». По крайней мере, можно полагать, что мы имеем дело с путаницей, вызванной элементарной забывчивостью. Дело в том, что в декабре 1576 г. В. М. Ржевский все-таки принял участие в приготовлении к походу в «немцы», но не в Передовом полку, а при наряде под командованием Д. И. Вельяминова²¹.

Однако ни одной из упоминавшихся персон в походе 1576 г. не было, как и неясно, принял ли он участие непосредственно в походе, который состоялся в апреле следующего 1577 г. Во всяком случае, в описании похода головы В. М. Ржевского мы не находим²². Возможное объяснение этому кроется в боярском списке 1577 г., в котором он упоминается как сын боярский, служащий по Белой, с интересной пометой: «На Моск[кве] в тюр[ьме]»²³.

Интересно, что хронологически это очень близко ко времени его участия в походе в Ливонию. Причин его заключения мы не знаем, как и длительность его, но после этого В. М. Ржевский надолго пропадает из поля зрения учетных документов, да и упоминавшиеся им службы в Романове, очевидно, имели низкий местнический статус и поэтому в разрядные книги не попали. Можно полагать, что он был осадной головой Романова. В сохранившейся романовской писцовой книге 1593/1594 г. упоминается запрещение Василию Ржевскому брать оброк с оброчных пустошей и мельницы, который отходил Богоявленскому Островскому монастырю²⁴. Сам этот запрет относился к 7093-му году, что позволяет нам предполагать его службу в Романове более длительной, чем это указано в его завещании.

Сохранились данные платежницы, составленной Василием Ржевским, все это показывает, что на закате своей карьеры Василий Ржевский был связан с городом Романовым²⁵.

Таким образом, анализ упоминаний служебных назначений в завещании показывает особенность социальной памяти Василия Михайловича Ржевского, которая связана с укоренением местничества в сознании, если угодно, с «местнической ментальностью», в рамках которой было необходимо документально закрепить более «честную» службу. Именно поэтому он «забыл» реальную, но местнически очень низкую службу при наряде, в пользу вымышленной, но более честной — в Передовом полку. «Государев разряд» 1556 г. – документальная база местничества – фиксировал иерархическую значимость воеводских служб в следующей очередности: Большой полк, Передовой полк, Полк правой руки, Полк левой руки и Сторожевой полк. Затем служба в Полку правой руки прочно занимает второе по «честности» место после Большого полка, а Полк левой руки прочно спустится в конец списка²⁶. Как видим, в этой пирамиде нет места «наряду», однако для детей боярских было критически важно зафиксировать почетную службу. Учитывая, что служебная карьера В. М. Ржевского не была успешной: две службы при наряде и в конце жизни служба осадным головой – все местнически ничтожные, то он пошел на фальсификацию своих ранних служб. Для того чтобы его сыновья могли впоследствии использовать для продвижения по карьерной лестнице эту фальшивую службу отца, Василию Ржевскому необходимо было добиться ее задокументирования. Но как? Привычная стратегия для русских аристократов и детей боярских – это спровоцировать местническое дело, но наш герой не мог воспользоваться такой линией поведения. Его последняя служба осадным головой не имела местнического значения. «Уложение» 1590-х гг. прямо запрещало головам местничать²⁷. Тогда В. М. Ржевский находит выход, не лишенный известного изящества: для фиксации вымышленной службы в Передовом полку он избирает свое завещание, а для предания этому упоминанию веса он верно перечисляет воевод ливонского похода 1576 г., кроме Н. Р. Юрьева, который был в калужском походе, как и наш герой, но возглавлял более «честный» Полк правой руки. Так что Василий Михайлович постарался завещать своим детям не только имущество, но и более высокий местнический статус, предоставив им не только средства для его отстаивания, но и возможности для защиты в случае обвинения во лжи, намеренно спутав реальных воевод, служивших в 1576 г. в разных местах.

Таким образом, время и обстоятельство приобретения Фенки покрыты мраком, но если принять версию самого завещателя, то произошло это около 1575/1576 г. Мы можем предпо-



ложить, что купля была совершена во время нахождения его в Новгороде, когда он мог встретить вернувшихся с похода князя А. Шейдякова воинов. Если это так, то область вторжения нам известна: это Коловерь, Апсла, Падца и Выгола мыза. Интересно, что Апсла – это Хаапсальский замок, а Падца – город Падис. Следовательно, латышка Фенка была захвачена на территории современной Эстонии, впрочем, и латышка Пярка захвачена была совсем не в Латвии, а во время «выборгского» похода. Все это ставит перед нами один вопрос: кого же понимали русские документы и люди XVI в. под «латышами»? А. Л. Хорошкевич указывала, что «латышами» в Российском царстве называли не только собственно латышей, но и леттов и земгалов, то есть народы, находившиеся под властью Ливонского Ордена. Словарь Ричарда Джемса 1619 г. фиксировал, что в Поволжье под этим этнонимом понимались иноземцы вообще. Хотя распространение его на эстов исследовательница затруднялась признать²⁸, но наш случай вполне демонстрирует возможность этого.

В завещании в случае с Пяркой упоминается и купля, и процедура ее оформления. Обычно имеющиеся у нас источники локализируют центр торговли пленными в Москве. В посольских книгах и столбцах в наказах приставам фиксируется практика купли-продажи пленных. Приведем для примера наказ Семену Мальцеву 1583 г. Согласно этой инструкции, покупать «немецкой полон» татары могли только в Москве. Приставу вручались списки купленных пленников каждым участником ногайского посольства. Чтобы пресечь возможность покупки людей вне Москвы, ногаям запрещалась большая стоянка в Касимове, а продолжительная остановка предполагалась только в Казани, где должна была произойти сверка полона со списками, и в случае выявления нарушений пристав должен был изъять «лишний» полон²⁹.

Очевидно, что эти ограничения распространялись на внешнюю торговлю, а внутри страны эти операции могли осуществляться более широко и в них были втянуты те регионы, жители которых участвовали в «Ливонской» войне. Сама покупка подтверждалась специальным документом – «куплей» и регистрировалась в таможенных книгах, в нашем случае города Романова, что позволяет нам расширить источниковую базу исследования и в дальнейшем расширить поиск.

Итак, данный конкретный случай упоминания «латышского полону» в завещании В. М. Ржевского от 1596/97 г. показывает эвристические возможности для исследования истории плена такого типа источников, как духовные грамоты. В рамках микроисторического подхода эти документы проясняют ряд вопросов, не имеющих решения с точки зрения «большой истории». Стратегия выстраивания памяти о службах

В. М. Ржевского демонстрирует действенность «местнического менталитета», который побуждает завещателя даже перед лицом смерти указывать фальсифицированную более почетную службу в Передовом полку, вместо реальной службы у наряда. В завещании наш герой выстраивает биографию честного служаки, прибегая к умолчаниям (о заключении в тюрьме) и намеренным искажениям. В этой серой зоне полуправды разворачивается будничная история торговли пленными и передачи их в наследство и дальнейшего встраивания в чужое общество (брак Фенки и Федки Шибляева, заключенный решением их хозяина). Анализ сообщений об условиях их приобретения позволяет выяснить, что Фенка и Пярка попали в плен на территории современной Эстонии. Это обстоятельство позволяет утверждать, что термин «латыш» в Московском государстве не имел этнического значения, а распространялся на сельское население Ливонии и включал не только латышей, леттов и земгалов, о чем писала А. Л. Хорошкевич, но и эстов.

Примечания

- ¹ *Филлюшкин А. И.* Ливонская война, или Балтийские войны? К вопросу о периодизации Ливонской войны // Балтийский вопрос в конце XV–XVI в. М., 2010. С. 80–94.
- ² См.: *Филлюшкин А. И.* Указ. соч. С. 93.
- ³ *Пенской В. В.* Очерки истории Ливонской войны. От Нарвы до Фелина 1558–1561 гг. М., 2017. С. 7
- ⁴ *Янушкевич А. Н.* Ливонская война. Вильно против Москвы : 1558–1570. М., 2015. С. 6–8.
- ⁵ См.: *Ермолаев И. П.* Писцовая книга Ивана Болтина как источник // Писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 годов. Публикация текста / сост. Р. Н. Степанов ; под ред. И. П. Ермолаева, М. А. Усманова. Казань, 1978. С. 18.
- ⁶ См.: *Хорошкевич А. Л.* Этнические микровкрапления среди жителей Казанского уезда в контексте международных отношений России середины XVI–XVII вв. // Мининские чтения : труды участников междунар. науч. конф. Нижегород. гос. ун-та им. Н. И. Лобачевского (Н. Новгород, 24–25 октября 2008 г.). Н. Новгород, 2010. С. 377–389.
- ⁷ См.: *Опарина Т. А.* Проблема источников депортаций ливонских пленников в Россию // Балтийский вопрос в конце XV–XVI в. М., 2010. С. 239–268.
- ⁸ См.: *Опарина Т. А.* Ливонские пленники в политической игре Бориса Годунова // Средние века. М., 2009. Вып. 70 (1–2). С. 273–302;
- ⁹ См.: *Korpella J.* Baptized and Not Baptized Nemcy in the Muscovite Society of the 16th century // Золотоордынское обозрение. 2014. № 3. С. 191–206.
- ¹⁰ См.: *Моисеев М. В.* Пленные Ливонской войны на востоке : люди и судьбы // Vēsture : avoti un cilvēki. XXVII zinātniskie lasījumi. Vēsture XXI. Daugavpils : Daugavpils Universitātes Akadēmiskais apgāds «Saulē», 2018. P. 261–267.



- ¹¹ См.: Приправочный список с дозорной книги города Темникова и Темниковского уезда 1613/14 г. / сост. М. М. Акчурина, А. В. Беляков. Казань, 2015. С. 24, 25, 28, 59, 68, 128, 131, 134, 135, 149, 156.
- ¹² Тэйро Э. Дозорная книга Темниковского уезда 1613/14 года : Опыт изучения // Архив русской истории. М., 2007. Вып. 8. С. 91.
- ¹³ См.: Антонов А. В. К истории Богоявленского Островского монастыря // Русский дипломатарий. М., 2003. Вып. 9. С. 358.
- ¹⁴ См.: РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 9. Л. 84–85.
- ¹⁵ Там же. Л. 144 об.–145.
- ¹⁶ См.: Комочев Н. А. «Бог по мою душу сошлет, и вы положите мое грешное тело в Осифове монастыре». Духовные грамоты вкладчиков Иосифо-Волоколамского монастыря. 2-я половина XVI века // Исторический архив. 2016. № 1. С. 172–178.
- ¹⁷ См.: Комочев Н. А. Указ. соч. С. 176.
- ¹⁸ См.: Разрядная книга 1475–1598 гг. / подгот. текста : В. И. Буганов. М., 1966. С. 259.
- ¹⁹ Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 262.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же. С. 275.
- ²² Там же.
- ²³ Станиславский А. Л. Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. М., 2004. С. 200.
- ²⁴ См.: Антонов А. В. К истории Богоявленского Островского монастыря... С. 360.
- ²⁵ См.: Города России XVI века. Материалы писцовых описаний. М., 2002. С. 122.
- ²⁶ См.: Анхимюк Ю. В. Частные разрядные книги с записями за последнюю четверть XV – начало XVII веков. М., 2005. С. 166.
- ²⁷ См.: Эскин Ю. М. Очерки истории местничества в России XVI–XVII вв. М., 2009. С. 166, 168–170.
- ²⁸ См.: Хорошкевич А. Л. Этнические микровкрапления среди жителей Казанского уезда в контексте международных отношений России середины XVI–XVII вв. С. 379.
- ²⁹ См.: РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1583. Д. 1. Л. 1–8.

Образец для цитирования:

Моисеев М. В. Латышки Василия Ржевского. Опыт комментирования одного завещания // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 414–418. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-4-414-418>

Cite this article as:

Moiseev M. V. Latvian Women of Vasilij Rzhevskij. Experience of Commentary on one Testament. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 414–418 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-4-414-418>